

УДК 94(470.67) «17»

**ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В СОЧИНЕНИИ УЧАСТНИКА
ПОХОДА ПЕТРА I В ПРИКАСПИЕ МАЙОРА И.-Г. ГЕРБЕРА**

Б.Г. Алиев,
Е.И. Иноземцева

Институт ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

arslist777@mail.ru
inozemceva47@mail.ru

Аннотация: В статье дается историографический анализ сведений о занятиях населения Дагестана, имеющихся в работе участника Каспийского похода Петра I 1722 г. майора И.-Г. Гербера, изданной в 1958 г. под названием «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.». Отмечается, что И.-Г. Гербер практически затронул все политические структуры Дагестана и занятия их жителей. Подчеркивается, что сведения кратки, но они отражают в целом состояние хозяйства населения феодальных владений и союзов сельских общин, о которых пишет в своей работе И.-Г. Гербер.

Abstract: The article presents historiographical analysis of the information about the activities of the population of Dagestan from the work “Description of countries and peoples of the western shore of the Caspian Sea. 1728” by Major I.-G. Gerber, the marcher of 1722 Caspian campaign of Peter I, published in 1958. The authors note that I.-G. Gerbertouched most of the political structures of Dagestan and activities of the residents. Though the information is brief, it reflects the state of economy of the population of fiefdoms and unions of rural communities, which I.-G. Gerber described in his work.

Ключевые слова: И.-Г. Гербер, занятия населения, землевладение, пашни, скотоводство, виноградарство, сады, овощеводство, домашние промыслы, ремесло.

Keywords: I.-G. Gerber, activity of population, landownership, arable land, cattle breeding, winegrowing, orchards, vegetable growing, home crafts, craft.

И.-Г. Гербер родился в г. Пейтец в Бранденбурге. На русской службе с 1710 г., участник Каспийского похода Петра I 1722 г., командовал артиллерией при взятии Баку. Член комиссии по установлению русско-турецкой границы в Прикаспийской области и заключения договора между Россией и Турцией при деревне Мабур. В Дагестане И.-Г. Гербер оставался до 1729 г. В 1728 г., выполняя правительственное задание, составил описание местностей и населения побережья между Астраханью и рекой Курой и карту этого района. Работа И.-Г. Гербера сначала была издана на немецком, а затем на русском языке под названием «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г.» в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» в 1760 г. Вторично она под названием «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.» была напечатана в сборнике архивных материалов «История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.» в 1958 г. под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. В статье в основном мы пользуемся этим изданием.

Занятия населения – это один из многих вопросов социально-экономической и политической истории, которые подняты И.-Г. Гербером в его сочинении о политических структурах и народах Кавказа и, в частности, Дагестана. Этому вопросу в каждом разделе его работы выделен сюжет под названием «Промысел», в котором и описываются все занятия населения. В то же время отдельные вопросы занятий населения даются и в ряде других разделов работы.

Феодальные владения и союзы сельских общин Дагестана приводятся в этом труде смешанно. Не выделяются они и по регионам. Поэтому считаем целесообразным занятия населения

рассматривать не в том порядке, как они даны в сочинении И.-Г. Гербера, а по регионам или отдельным феодальным владениям и союзам сельских общин, акцентировав внимание на особенностях хозяйственной деятельности, на которые обратил внимание И.-Г. Гербер при описании каждой из дагестанских политических структур.

Конечно, по своему экономическому развитию, по распространенности различных отраслей хозяйства регионы Дагестана отличались друг от друга. В одних больше было развито земледелие, в других – скотоводство и это хорошо прослежено И.-Г. Гербером. И что особенно важно – отмеченная им зависимость развития той или иной отрасли занятий населения от естественно-географических и климатических условий.

Равнина и предгорье были наиболее благоприятной территорией для занятий сельским хозяйством, в особенности для полеводства, что и подчеркнуто в сочинении И.-Г. Гербера. Хорошо это прослежено им при описании Дербента и тех земель – «уездов», которые входили в состав Дербента, называемого в его сочинении: «Дербент, город и уезд». Земля, занимаемая Дербентом и Дербентским владением, являлись наиболее благодатной частью равнинного Дагестана. «По обеим сторонам за городом, – писал И.-Г. Гербер, – обитатели (жители. – Авт.) имеют пашен довольно число (подчеркнуто нами. – Авт.) и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сизи, гранаты и прочие, также дыни и арбузы около города везде имеются безчисленно» (подчеркнуто нами. – Авт.). Причем вокруг Дербента имели свои пахотные земли не только местные жители, но и «все воинские люди», «около 600 человек конных и 1000 человек пехоты», среди которых «была одна рота конна (конница. – Авт.), называемая курчи». Эта была гвардией шаха, «над которой наип сам капитаном или юзбаши» (Гербер И.-Г., 1958. С. 85–86).

О достоверности данных И.-Г. Гербера о занятиях населения Дербента и Дербентского владения говорят сведения и раннего, и более позднего времени. Еще за 10 лет до И.-Г. Гербера А.И. Лопухин – посланник Российского посла в Персии А.П. Волынского – писал, что «недалеко от Дербента агач по конец одной горы поселена деревня, при которой есть сад виноградной и деревья саженые, и оной сад салтана дербенскова, и от того саду пошла дорога в Дербени близко горы, а другую сторону моря в версте, также подле моря на версту блиско города сделаны сады виноградные, есть и двory жилые для охраны тех садов» (Лопухин А.И., 1958. С. 9).

Более значимо сообщение А.И. Лопухина о том, что Дербент «имеет великое довольство в провианте (продовольствии. – Авт.) и в фураже, так все дешево, что ни одного города во всей Персии такова подобного нет и на дешевизне, довольно человеку сыту в день быть на 2 копейки» (Лопухин А.И., 1958. С. 30).

Обилию продовольствия способствовала, конечно же, развитость земледельческого хозяйства и прежде всего полеводства, а также садоводства, виноградарства и огородничества, о чем писал и другой участник Каспийского похода Петра I медик Дж. Белл, отметивший: «В восточной стороне города множество находится винограден, коих вино может стоять многие годы, когда оное, налив во глиняные сосуды, заруют в землю». И далее: «Находится также во здешней окрестности плодоносные поля...» (подчеркнуто нами. – Авт.) (Дж. Белл, 1776. С. 167). Об этом же писал третий участник указанного похода Я.А. Маркович, отметивший, что «на обеих сторонах Дербенту великие розлоги и сады по близу, а подалей пашне» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 185).

В дальнейшем полеводство, садоводство, виноградарство и огородничество в Дербенте и Дербентском владении получили еще большее развитие, о чем говорят сведения ряда авторов. Так, С.Г. Гмелин – ученый, ботаник, по национальности немец, действительный член Российской Академии наук, обследовавший прикаспийские области в 1769–1774 гг., писал о Дербентском владении: «Поля плодородием очень знамениты и земля ничего больше не требует, кроме большого жителей рачения» (труда, усилий. – Авт.). Интересно также и его следующее сообщение о занятии местных жителей земледелием. «Поля, – писал он, – уваживать совсем не знают, но только жгут на них солому и оставшимся пеплом посыпают, от которого, в рассуждении плодородия изрядное бывает действие» (Гмелин С.Г., 1785. С. 35).

Весьма интересны сообщения С.Г. Гмелина о садоводстве, виноградарстве и огородничестве дербентцев, которые подтверждают приведенные выше сведения И.-Г. Гербера. Он, в частности, писал, что в южной стороне города «вдоль по берегу моря и на северной к усмейским горам находятся преизрядные дербентские сады (подчеркнуто нами. – Авт.)... Кроме немногих огородных овощей... насажены по большей части в оных виноградные лозы и различные плодоносные деревья» (Гмелин С.Г., 1785. С. 30). И далее он свидетельствовал: «Плоды, сажаемые в здешних огородах, суть различные породы самых вкуснейших яблок, груш, айвы, также персики,

апрокозы, миндаль, инжир и гранаты. Сии дерева... чрезвычайно плодоносны» (Гмелин С.Г., 1785. С. 31–32).

Немногим позже, бывший на Кавказе, также немец по происхождению, доктор медицины Я. Рейнегг писал о Дербентском владении: «Сия провинция могла бы по справедливости шастливейшею назваться, ибо положение ее весьма способно для торговли и плодородие земли обещали ей всю возможную пользу» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 284).

Как бы подтверждая сказанное Я. Рейнеггом, участник Персидского похода 1796 г. Ф.Ф. Симонович писал, что Дербентское владение «изобилует хлебопашеством (подчеркнуто нами. – Авт.), состоящим в пшенице, ячмене, сарачинском пшене и прочем равно и плодами древесными и огородными» (Симонович Ф.Ф., 1958. С. 149, 150).

Хорошо были развиты полеводство и садоводство в «уездах», находящихся южнее Дербента и входивших в состав Дербентского владения. О занятиях населения Мушкура И.-Г. Гербер отмечал в двух разделах своего труда. Первый из них называется «Промысл», где говорится: «Обитатели питаются скотоплодием, сеют же пшеницу, ячмень, пшеница много, к чему оные и пашен довольно имеют...» (Гербер И.-Г., 1958. С. 88).

Более обстоятельно о занятиях жителей Мушкура И.-Г. Гербер сообщал в следующем разделе, называемом «Состояние». Эти очень интересные сведения считаем необходимым привести подробно. Они свидетельствуют, что: «Сей уезд от бога и натуры благословен, хлебопашен, приятен и веселой, во оном лесов, лугов и пашен довольно, также несколько маленьких речек, которые из Кубы текут. В лесах... роятся дикие яблоки, груши, орехи грецкие, армуды (здесь: айва. – Авт.), сливы и проч. овощи, а особливо во всех лесах растет виноград дикой... Луга всегда зеленые, понеже места низкие, ... трава осенью наилучшее... растет, ... ибо морозов очень мало бывает, чего ради зимним временем из гор множество скотины и баранов пригоняют и все луга ими позаймут... Сей уезд купно называть Шабран, всю Ширвань, Шемаху и часть Дагестани удовольствуют пшеницею, ячменем и пшеном, которых в сем уезде очень много сеют, к чему помогают маленькие речки, которые из Кубы сюда текут, которых вода во всех пашнях, а особливо на пшено ведена, понеже пшено пока созревает, всегда в верхь стоит и растет. Прежде сего много шолку здесь родилось, только шелковые фабрики от бунтовщиков раззорены, а ныне обитатели начали их опять поправлять» (Гербер И.-Г., 1958. С. 88).

Об «уезде» Низават И.-Г. Гербер в параграфе «Промысл» писал: «Питаются скотоплодием и пашнями, и прежде ребелии (до военных действий. – Авт.) имели торг с Россией» (Гербер И.-Г., 1958. С. 89). В другом параграфе «Состояние» он отмечал, что «всегда русские судами своими приставали и товаров своих с персидскими меняли и великой торг здесь имелся между русскими и персиянами, армянами, дагестанцами и прочими». Кроме того, он писал о занятии земледелием, отметив при этом, что земля там, как и в Мушкуре и Шабаране и частично в Кубе, «так сытая, что обитатели принуждены во оную соху по шести и до осьми и больше буйволов впрягать, чтоб спяхать и землю сорать можно, ибо во всех сдешних уездах буйволов для пахания земли употреблять в обычаи» (Гербер И.-Г., 1958. С. 89).

О следующем «уезде», входившем в состав Дербентского владения – Шабране, И.-Г. Гербер писал, что он «приятной, веселой и хлебородной», «Имеет много пашен и лугов и скотоплодие, также и шелковые заводы...» (Гербер И.-Г., 1958. С. 90).

В разделе «Состояние» дано подробное описание занятий жителей Шабрана, но прежде И.-Г. Гербер сообщал о хороших пастбищах всех южных «уездов», входивших в Дербент. Он, в частности, отмечал: «Все семь уездов имеют чрезмерно хорошие пашни и луга, которые так же, как в Мушкуре, зимой и летом зелены бывают, и того ради зимним временем арапы, усалы и протчие со своим улусом, кибитками и скотиною заняты бывают». Далее он, останавливаясь на земледелии, отмечал: «Пшеницы, ячменя, а особливо пшеница множество сдесь родится» (Гербер И.-Г., 1958. С. 90).

После описания Шабрана дано описание Рустау, о занятиях жителей которого И.-Г. Гербер сообщал следующее: «Имеют скотоплодие и для своего пропитания пашни и сады» и далее: «Сей уезд состоит во многих хороших деревнях, из которых Рустау не токмо добрые поля и пашни имеют» (Гербер И.-Г., 1958. С. 91).

Последний южный «уезд» Дербентского владения, описанный И.-Г. Гербером, – Бермяк, о занятиях жителей которого он свидетельствовал: «Питаются пашнями и скотоплодием, а особливо они многое число баранов содержат, ибо в горах Бермякских травы довольно, чего ради и другие, в горах живущие, баранов к ним на корм пригоняют» (Гербер И.-Г., 1958. С. 93). Им же отмечено, что здесь имеется «великой каменной караван-сарай для проезжих людей», где, а также и в

«других местах построенных, видны многие имена посольством и купечеством, в Персию сдесь проезжающих, разных наций, российские, немецкие, французские, шведские, польские, армянские, индийские, жидовские и прочие, которые свои имена по стенам и камнях для памяти врезали» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 93).

Как видно из приведенных сведений И.-Г. Гербера, земли Дербента и Дербентского владения, а также земли пяти «уездов», расположенных к югу от Дербента за Самуром и входивших в состав Дербентского владения, были весьма благоприятны для ведения сельского хозяйства и в особенности земледельческого хозяйства. Это наиболее богатая часть Дагестана, где производили все виды зерна, занимались садоводством, виноградарством, овощеводством и производством технических культур.

Продолжением этой плодородной части Дагестана была равнина кюринских лезгин, о которых И.-Г. Гербер отзывался весьма нелицеприятно. По его представлениям, кюринцы «пашнями и скотоплодием не трудятся», т.е. не занимались ни земледелием, ни скотоводством, «а надеются, что чужие люди на них работают», их же занятия состоят в грабеже и воровстве (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 105).

Еще более неправдоподобно выглядят его слова о том, что они «не имеют ни пашен, ни сох и рукодельную работу (домашние промыслы. – Авт.) не любят, только одним воровством питаются и того ради непрестанно малыми партиями в Мушкур и Кубу, в Табасаран и Шабран впадают (нападают. – Авт.) и крадут тайно и явно что им падается, ни скотина, ни лошади от их нападков небезопасны... Естели могут осилить, то все убивают и обирают» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 105).

Вряд ли можно согласиться с утверждениями, что все население Кюры занималось только грабежом и разбоем и вообще не занималось сельским хозяйством. К сожалению, иных мнений авторов того периода у нас не имеется. Но сведения конца XVIII – нач. XIX в. говорят о другом. Побывавшие там в этот период авторы отмечали хорошие условия для ведения сельского хозяйства – занятия земледелием, скотоводством и садоводством. Вот как об этом писал через немногим более 100 лет офицер русской армии Ф.И. Гене: «Жители нижнего Дагестана (речь идет и о территории современных Магарамкентского и Сулейман-Стальского районов. – Авт.) прилежнее нежели верхнего, и занимаются более хозяйством, особенно хлебопашеством и вообще богаче прочих. В Кюринском владении и других местах ближе к морю растет виноград и другие фрукты» (*Гене Ф.И.*, 1958. С. 344). Немногим позже Н. Данилевский отмечал: «Почва земли в восточной части *Области Кюринской* весьма плодоносна и способствует к земледелию и скотоводству» (*Данилевский Н.*, 1846. С. 67). Именно из возможностей собирать хорошие урожаи зерновых культур исходило русское командование, когда после покорения Кюринского владения в 1811 г. оно обязано было вносить в казну в 1813 г. ежегодно 2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя (*Ртищев Н.Ф.*, 1958. С. 247).

Не совсем верно писал И.-Г. Гербер и о Табасаране. Если о табасаранцах в целом он писал правильно, что они занимаются земледелием и скотоводством («Питаются пашнями и скотиною»), то при характеристике естественно-географических и климатических условий различных частей Табасарана, слишком сгущал краски. Он, в частности, писал: «Половина Табасарана, к Дербенту лежащие, имеет хорошие поля и хлебородную землю, а другие, к горам живущие, питаются только одною скотиною и не имеют пашен для хлеба» (подчеркнуто нами. – Авт.). И это, как полагал И.-Г. Гербер, объяснялось тем, что здесь «от стужи (холода. – Авт.) ничего не растет», потому что «горы, под которыми они живут, летом и зимою снегами покрыты, и снега, которые у них падают, в июле месяце разтаевают и для того (поэтому. – Авт.) убогие (бедные. – Авт.) люди» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 104).

Действительно, нижний Табасаран представлял из себя благодатный край. Это было «весьма обширное и плодородное пространство», где его жители занимались главным образом «в разводе винограда, хлопчатой бумаги, – и, как писал в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс, – хлеба [там] родится довольно» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 279).

Хорошо описал эту часть Табасарана участник Персидского похода 1796 г. С.М. Броневский: «...Северная половина изобилует всеми родами произведений и есть умеренному воздуху и свойству земли приятнейшая сторона» (подчеркнуто нами. – Авт.) (*Броневский С.*, 1823. С. 348). Интересно и мнение проф. Казанского университета Н.И. Березина, писавшего, что «долины Табасарана и приморская полоса Дагестана могут питать обширное народонаселение» (*Березин Н.*, 1850. С. 86).

Другие условия жизни, определяемые естественно-географическими и климатическими условиями, были в горном Табасаране. Но ни один автор – ни XVIII, ни XIX вв. – не отмечал того,

о чем писал И.-Г. Гербер. Они тоже свидетельствовали о трудностях ведения земледельческого хозяйства в горах, но не писали о совершенном отсутствии в горном Табасаране земледелия. Как и в других горных частях Дагестана, действительно, здесь пахотных земель было мало и земледелие в целом было затруднено. Но согласиться с тем, что здесь не было «пашен или хлеба, ибо от стужи ничего не растет» и что горы «летом и зимою снегами покрыты», трудно. Конечно же, И.-Г. Гербер ошибался, утверждая это. Даже о более высокогорных союзах сельских общин лезгин Самурской долины, хотя и о них он писал, что горы здесь «зимою и летом снегами покрыты», он все таки отмечал наличие «между горами в долинах малое число пашен» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77). Основным занятием жителей этих союзов, как свидетельствовал И.-Г. Гербер, было скотоводство («Питаются скотиною»), а недостающий хлеб, «которой они меняют скотиною» (на скот. – Авт.), доставали в Кубинском ханстве (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77). Причем это И.-Г. Гербер писал в отношении пяти союзов «уездов» – Алтыпара, Ахтыпара, Докузпара, Рутул и Мискиджа.

И.-Г. Гербер писал о занятиях, и в особенности о земледелии в кумыкских феодальных владениях равнинного Дагестана и Засулакской Кумыкии, а также Кайтагского уцмийства, отмечая при этом благоприятные условия для ведения земледельческого хозяйства, садоводства, виноградарства и огородничества. О жителях Тарковского шамхальства он свидетельствовал: «Имеют хорошие виноградные и другие сады, также всяких овощей скотоплодие и пашен довольно; сеют хлопчатой бумаги, которая здесь наилутче растет» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 71).

О занятиях жителей Тарковского шамхальства написано много и все свидетельствует о правильности сведений И.-Г. Гербера. Хотелось бы привести данные отдельных авторов 70–90-х годов XVIII в., подтверждающие сказанное. Так, акад. И.А. Гильденштедт, собиравший сведения о Дагестане в 70-е годы XVIII в., писал, что «кумыки занимаются хлебопашеством... Хлебные растения их суть пшеница, ячмень, просо, овес, а особливо сарачинское пшено, в нарочитом (в особенности. – Авт.) множестве разводят хлопчатую бумагу» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 180, 105).

Отмечал И.-Г. Гербер и наличие в Тарках торговцев, названных им купцами. В частности, он писал: «Несколько жителей в Тарху имеют купечество в Персии и России», т.е. они занимались внешней торговлей, покупая различные ткани, изделия из металла и стекла, драгоценности, посуду и т.д. и продавая их на местных рынках. И.-Г. Гербер свидетельствовал и о работорговле горцев в Тарках. «Те в горах и в даль (далеко. – Авт.) живущие торгуют краденными грузинцами, армянами и черкесами, которых они крымским и кубанским татарам продают», – писал он (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 71).

О занятиях населения других политических структурах кумыков среднего Дагестана нет особых сведений в сочинении И.-Г. Гербера. Лишь об Утамышском султанстве есть запись: «Питаются пашнями и скотоплодием» (Гербер И.-Г., 1958. С. 74). Между тем известно, что и в Буйнаке, и в Утамыше, и Карабудахкентском и в Бамматулинском и в Эрпелинском бийликствах хорошо было развито земледелие. Еще за 10 лет до И.-Г. Гербера А.И. Лопухин, проходивший в 1718 г. по приморскому Дагестану, в том числе по территории Утамышского султанства, писал, что «ехали полями по лесу с агач», а также отмечал наличия здесь лугов (Лопухин А.И.). В 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс также сообщал о развитости земледелия в Утамышском султанстве. «Вдоль по берегу реки Инче и на всей оной степи (т.е. от моря до гор. – Авт.), – отмечал он, – находятся (кроме Каякента, Утамышы, Гусейн-кента и Туса-Карана, о которых писал Я. Рейнеггс как о селах, входивших в Утамышское султанство. – Авт.), еще некоторые деревни и весьма плодоносные поля (подчеркнуто нами. – Авт.), коих владельцы с величайшею покорностью платят наложенные на них подати» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 275). Из этих последних слов можно заключить, что жители указанных сел жили в достатке от занятий земледелием, и налоги, которые они платили за пользование землями местных феодалов, не были им обременительны.

Рядом с Утамышским султанством находилась резиденция крым-шамхала с небольшой территорией, но также с развитым земледельческим хозяйством. Я.А. Маркович, участвовавший в Каспийском походе 1722 г., писал о Буйнаке, что его владетель «сидит на равнине, ниже которой тако ж равнина низшая, а нижей еще равнина до моря, близ которого и пашне их посеяни...» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 182).

В среднем Дагестане, занимая равнинную, предгорную и горную части располагалось Кайтагское уцмийство, которое И.-Г. Гербер делил на два уезда: на «Хайтаки, народ» и «Карахайтаки, народ». Первую часть он располагал «подле моря, расстоянием от Утамышы до реки Дарабах» и отмечал, что этот «уезд немалой и хорошей, земля хлебородная, состоит во многих хороших и великих деревнях» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 83). Действительно, в этой части Кайтага были прекрасные условия для занятия сельским хозяйством. «Питаются скотоплодием и

имеют довольно пашен, также садов виноградных и прочих овощей. Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 83). Имеющиеся сведения действительно подтверждают правильность слов И.-Г. Гербера. В Кайтаге покупали зерно как жители союзов Верхнего Кайтага, так и жители Каба-Дарго и даже Акуша-Дарго.

В другом месте И.-Г. Гербер, отмечая благоприятные природно-географическим и климатические условия Нижнего Кайтага, писал: «Хайдацкой уезд имеет землю ровную от моря до нижних гор и того ради довольно пашен, садов и речек, при которых много мельниц построено, а особливо имеются добрые луга для корму скотины и баранов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 83–84). Все что сообщал И.-Г. Гербер о Нижнем Кайтаге верно, что подтверждается и аналогичными сведениями, имеющимися в работах авторов, писавших как до него, так и после него. Так, за 10 лет до И.-Г. Гербера, в 1718 г. А.И. Лопухин свидетельствовал, что в Нижнем Кайтаге «... от самого моря все место ровное и лесом довольно и деревни усмиевы поселены все в лесу, есть около их и поля немалые» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 56).

Еще ранее голландский путешественник Я. Стрейс, побывавший в Дагестане в 40–50, а затем 70-е годы XVII в. писал о территории кайтагского уцмья, по которой они проходили «через заросли, где видели много кабанов, пожирающих плоды, упавшие с деревьев, так как этот лес был ни чем иным, как фруктовым садом с различными плодовыми деревьями...». Здесь было «множество яблок, груш, вишен, слив, фиг, каштанов, грецких и воложских орехов и других». И главное, отмеченное им: «Там же прекрасные луга и поля, поросшие хлебными злаками, ячменем, различными овощами и зеленью, которая употребляется в пищу. Там очень много скота, жирных коров, козлов, овец с широкими хвостами, кур, голубей и нечетное множество птиц, так что кушанья и напитков в этой местности весьма дешевы» (*Стрейс Я.Я.*, 1935. С. 223). Думается, лучше и не скажешь о развитости в Кайтагском уцмийстве всех отраслей сельского хозяйства, что, безусловно, являлось следствием благоприятных естественно-географических и климатических условиях.

Обратимся к свидетельствам Я. Рейнеггса, относящимся к 80-м годам XVIII в. и касающимся благоприятных естественно-географических условий в Кайтаге для занятий сельским хозяйством. Он, в частности, писал, что «земля князя сего (уцмья. – Авт.) имеет наивыгоднейшее и плодоноснейшее положение». Описывая Терекеме – наиболее земледельческую часть Кайтагского уцмийства, Я. Рейнеггс насчитывал: «Двенадцать деревень, обитаемых татарами, называемыми терекемме, [которые] собирают с плодоносных своих полей, пшеницу, ячмень, пшено, просо и хлопчатую бумагу. Они также стараются разводить шелк и к немалому себе прибутку, и стада им приносят знатную пользу» (*Дагестан в известиях...*, 1992. С. 276). Далее Я. Рейнеггс свидетельствовал о богатстве и плодоносности кайтагской земли: «От реки Инче ... до реки Малого Буама лежащая страна весьма лесиста, которая потом выходит на луга пространные, плодоносные и зрению весьма приятные. А чтобы плодоносная сия земля не имела недостатку в воде, то природа оросила ее еще одной немалою рекою, Большой Баум называемою, которая, разливаясь в бесчисленные ручьи утучняет сухость земли» (*Дагестан в известиях...*, 1992. С. 276–277).

И еще, на что обратил внимание Я. Рейнеггс: «Чем ближе вышеупомянутая степь Кьутсе (речь идет о Терекемейской равнине. – Авт.) подходит к горам, тем чаще лес становится, а некоторые горы совсем им заросли и вся приятная сия страна (подчеркнуто нами. – Авт.) ни что иное как лес один, естли бы и многочисленные жители рост ему не препятствовали и не обрабатывали бы землю с большею себе пользою» (*Дагестан в известиях...*, 1992. С. 277).

Все вышесказанное о Кайтаге подтверждается и в сведениях о нем других авторов XVIII и XIX в. Приведем только интересные наблюдения участника Персидского похода 1796 г. Д.И.Тихонова. Прежде всего он отмечал наличие в Нижнем Кайтаге «довольного количества канавов для напоения засеянной хлебом земли», которые были проведены «из речки Дарбах жителями» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 128). Писал он и о наличии здесь многочисленных мельниц, что являлось свидетельством земледельческой направленности хозяйства. «Мельниц мучных, – указывал он, тамошними жителями сделано в довольном количестве. Расположены одна над другой на близком расстоянии» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 134). О количестве мельниц в Кайтаге в XVIII в. можно судить в какой-то мере и по сведениям конца XIX – начала XX в., согласно которым в Кайтаго-Табасаранском округе их было 528 (*Обзор Дагестанской области за 1904 г.*, 1905. С. 38–39). Писал Д.И. Тихонов и о злаковых и других культурах земледельческого хозяйства Нижнего Кайтага «Плоская... половина, – отмечал он, – сверх изрядного садоводства произрастает довольно разных плодов хлеба, хлопчатую бумагу, мариону, сарачинское пшено (рис. – Авт.),

садовые ж и лесные плоды, овощи и шелковичные черви (шелкопряд. – Авт.) весьма малой частью произрастают... мариона ж родится в довольном изобилии» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 129).

Отмечая наличие в Нижнем Кайтаге хороших пастбищ, И.-Г. Гербер свидетельствовал, что это были «добрые луга для корму скотины и баранов», которые использовались не только для выпаса своего скота, но и сдавались в аренду жителям горных обществ и, как указывал наш автор, поэтому «акушинцы и многие таулинцы (горцы. – Авт.) баранов своих зимним временем сюды на корм пригоняют, и за то усмею положено пошлин платить. И понеже (так как. – Авт.) каждую зиму более 100000 баранов здесь кормятся, усмею от того доходы приходят» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 84).

Описывая Верхний Кайтаг («Карахайтаки»), И.-Г. Гербер не прав, отмечая в разделе «Промысел», «что там так же как и в Нижнем Кайтаге, было много пашен, садов виноградных и протчих овощей». Но в разделе «Состояние» он справедливо подмечает, что «Карахайдакской уезд не так хлеборобен, как хайтацкой, ибо он гористой и оттого обитатели не в таком добром состоянии, как хайтаки, отчего их называют карахайтаками, то есть черные хайтаки». Здесь же он писал о Калакорейше, жители которого «не убогие (не бедные. – Авт.), имеют всякие торги» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 85), что подтверждается имеющими сведениями 30-х годов XVIII в. Согласно одному архивному источнику, 11 января 1735 г. в Дербент из Калакорейша прибыли 50 человек с 50 вьюками бурок и сукна; 15 февраля того же года сюды выехали 6 кубачинцев с двумя вьюками сукна (*Шихсаидова Р.С.*, 1987. С. 100–101).

Хорошо о Верхнем (горном) Кайтаге написал Д.И. Тихонов. «Нагорная часть, – отмечал он, отменно способствует к скотоводству и к разведению отчасти пчел и коноплей, но не имеет много земли удобной к хлебопашеству, а производит большей частью ячмень по причине имеющегося по горам отчасти известкового камня и по высотам строевого и древесного лесу» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 129).

В Верхнем Кайтаге находилось и сел. Кубачи, которое описано И.-Г. Гербером под названием «Кубеша, уезд», т.е. как отдельная политическая структура в составе Дагестана. Но он был неправ, называя их «дагестанцами и кумыками». Но главное в сочинении И.-Г. Гербера – краткое и емкое, но достаточно содержательное и исчерпывающее описание раздела «Промысл». «Имеют скотину и садов, – писал он о кубачинцах, – токмо (только. – Авт.) пашен малое число и для того принуждены хлеб покупать...». Действительно, кубачинцы имели немного пахотных земель и хлеб в основном приобретали в обществах Нижнего Кайтага. И, далее, останавливаясь на главном занятии кубачинцев, И.-Г. Гербер сообщал, что они «особливо питаются рукоделием, ибо оные все люди мастеровые, у них делаются самая лутчая серебряная работа, оружие, добрые сабли, панцери и протчье, которое не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в турецкой земле славно (славится. – Авт.) и такое оружие с охотой покупают, отчего они все люди богатые, также и к войне храбрые» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 75).

И.-Г. Гербер не ограничился этими сведениями о занятии кубачинцев. В разделе «Состояние» он их дополнил, указав, что кубачинцы также «выливают для своей обороны несколько пушек из красной чистой меди, во 1 до 3-х фунтов калибров». Кроме того, по его сведениям, кубачинцы делали также «турецкие и персидские серебряные деньги» и «начали испытать (пытаются. – Авт.) делать российские рублевики». Примечательно и утверждение И.-Г. Гербера, что «все сии деньги имеют надлежащий свой вес и серебро, что оных везде берут» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 76).

Действительно, все что писал о кубачинцах И.-Г. Гербер имело место, о чем говорят сведения других авторов, писавших о Кубачах как ранее, так и позже него. За 10 лет до И.-Г. Гербера А.И. Лопухин, проходивший в 1718 г. по территории Дагестана в составе русского посольства, о Кубачах сообщал: «Жители в нем все люди мастеровые и торговые... Ремесло у них такое – делают многа хорошева ружья мелкого, также, сказывают, и пушки льют». И еще, о чем не писал И.-Г. Гербер: «Они же имеют у себя немалое довольство шерсти, ис которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают, а шерсть у них изрядная и мяжка, купят оную весом в батман, в котором 14 фунтов, за самую добрую по 20 алтын батман, а иное время и меньше». Причем, как сообщал далее А.И. Лопухин, чтобы купить такую шерсть «нанел дворенин (имея в виду А.П. Волынского. – Авт.) нарочно (специально. – Авт.) одного дербенскова жителя, которой к нему привез батман за вышепомянутую цену и ее складывали (сравнивали. – Авт.) с ишпанскою шерстью, хороша такова не будет, а из здешних шерстей лутче ее нигде не сыщется» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 30).

Сказанное А.И. Лопухиным и И.-Г. Гербером подтверждал в 80-е годы XVIII в. и Я. Рейнеггс, писавший о кубачинцах: «Большая часть жителей занимается торговлею, а прочие делают ружья, сабли, пистолеты и ножи» и что интересно отмеченное им, что кубачинцы «мастерством своим всем известны, золотая и серебряная их работа подобна карлсгатской и агсбургской, а как столь

искусных мастеров нет ни в Персии, ни в Анатолии, то работа их везде в славе, в великом употреблении и дорого покупается». И еще, что отметил Я. Рейнеггс, кубачинки «делают тонкие шерстяные сукна особого рода, которые мужья их на платья употребляют» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 278).

Как известно, в Северном Дагестане было три кумыкских феодальных владения – княжества Эндиреевское, Аксаевское и Костекоевское. О них И.-Г. Гербер оставил очень мало сведений. Об Аксае он писал: «Питаются от пашен (т.е. земледелия. – Авт.) и плода всякой скотины» (т.е. продуктами скотоводства. – Авт.) (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 62).

Практически это же сообщал он и об Эндирее – «Имеют пашен и скотину» и здесь же утверждал, что жители этого «уезда» «всегда воровством питаются», которое «ныне им запрещено» и поэтому они «принуждены своими домашними промыслами жить» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 69). Конечно же, наш автор неправ, что жители Эндиреевского княжества раньше «всегда» жили за счет воровства. Не бывает, чтобы весь народ жил только за счет воровства. Известно, что территория, занимаемая сначала Эндиреевским княжеством, основанном Султан-Мутом, а затем тремя княжествами, образовавшимися от разделения земель между сыновьями и внуками основателя единого княжества, была очень благоприятна для земледелия и скотоводства, и вряд ли можно согласиться с утверждением И.-Г. Гербера, что главным занятием жителей княжества было воровство.

Что касается Костекоевского княжества, то о нем И.-Г. Гербер вообще не писал. Но зато он сообщал о «шубках шамхале», проживающем в «уезде», жители которого также питались «пашнями и скотоплодием» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 73), т.е. занимались земледелием и скотоводством.

Сообщал И.-Г. Гербер и о занятиях ногайцев, проживавших в Засулакской Кумыкии. «Питаются скотиною и торгуют лошадыми и верблюдами», – писал о них И.-Г. Гербер (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 64). Остановившись на видах скота, содержащих ногайцами, И.-Г. Гербер отмечал, что скот их «больше состоит в верблюдах о двух горбах и скотины рогатой, также и в баранах не у многих» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 64).

Конечно, сведений о занятиях населения княжеств Засулакской Кумыкии сохранилось много, но они относят в основном ко второй половине XVIII–XIX в. Авторы, писавшие о Засулакской Кумыкии, подчеркивали, что это обширное пространство между большими реками – Сулаком и Терекком на севере. «Почва земли владения Кумыцкого, – отмечал А.М. Буцковский, – причитается плодороднейшим на Северном скате Кавказа, а климат теплее прочих областей сей полосы...» (*Буцковский А.М.*, 1958. С. 244). В Засулакской Кумыкии, по словам акад. Н. Дубровина, находилась лучшая часть кумыкской плоскости, где почва земли чернозем, плодородна и удобна для хлебопашества (*Дубровин Н.*, 1871. С. 619). И, естественно, что на такой территории было хорошо развито земледелие. Как свидетельствовал в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс: «Земледелие около Акса с нарочитым успехом производится и почти сие одно место снабждает потребным хлебом город Андрие. Сады также в небрежении у них не остаются, ибо с них капуста, репа и другие земные плоды в великом множестве роятся» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 253). Земледелие Эндирее он называл самым лучшим. Там «сады наполняют приятностию отменных плодов плодоносных деревьев, в них великое множество как то: дын, арбузов, а особливо персиков отменно приятного вкуса» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 254). Что касается Костека, то о нем Я. Рейнеггс писал, что это место «в разсуждении земледелия и скота весьма изобильно» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 255). Думается, что нет необходимости приводить оценки других авторов, ибо и из приведенных выше сведений можно судить о состоянии хозяйства жителей Засулакской Кумыкии.

Все приведенное выше относится к занятиям населения политических структур, вернее в основном феодальных владений Южного, Среднего и Северного Дагестана. И.-Г. Гербер оставил сведения о занятиях населения и феодальных владений Горного Дагестана – Казикумухского и Аварского ханств, а также отдельных союзов сельских общин, находившихся в этом же регионе.

Конечно, природно-географические и климатические условия в Горном Дагестане различались с равнинным и предгорным Дагестаном. Тем не менее И.-Г. Гербер явно сгушал краски. Так, о Казикумухском ханстве он писал, что оно расположено «между горами подле карахайдаков и Табасарана, а от зюйду (юга. – Авт.) и от весту (запада. – Авт.) высокими горами обняты, которые через весь год снегами покрыты» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 102). Непонятно, что это за горы, с юга и запада окружающие Казикумухское ханство, которые зимой и летом были покрыты снегом.

Но тем не менее, далее И.-Г. Гербер, останавливаясь на описании этого «уезда», сообщал, что хотя он «между горами лежит, однако в оном ровные места и для того (поэтому. – Авт.) пашни имеются, только для стужи (из-за холода. – Авт.) хлеб в августе месяце и позже поспевает» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 102).

О наличии хороших пашен и о занятии жителей Казикумухского ханства скотоводством и другими занятиями И.-Г. Гербер писал и в разделе «Промысл». Здесь он, в частности, отмечал: «Имеет в своем уезде хорошие пашни, также скотину и баранов». И далее о лакцах («хасикумуках») он замечал, что они раньше («прежде») были «отважные люди, или смелые воры и грабежники (грабители.– Авт.), который промысл оные с Сурхаем всегда употребляли, особенно при ребелии (походе. – Авт.), в которой хаси-кумуки пред всеми оказались и обогатились» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 102).

Конечно, в Казикумухском ханстве, действительно, были не только горы с «вечными снегами», о чем сообщал И.-Г. Гербер, но и прекрасные пахотные земли, расположенные в долинах, а также искусственные террасные поля, которые давали хорошие урожаи. Поэтому среди других доходов, которые получал как правитель Сурхай-хан, И.-Г. Гербер перечислял прежде всего десятую часть урожая (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 102).

Не менее гористой была территория Аварского ханства, о котором И.-Г. Гербер писал, что этот «уезд» «велик и состоит во многих между горами лежащими деревнями». Но при этом он не указывал на наличие здесь гор с вечными снегами и отмечал, что «жители его имеют пашни и скотоплодие, однако ж иные деревни больше и лутче, нежели другие». Интересно то, что о жителях Аварского ханства И.-Г. Гербер писал: «По ситуации их земли и уезду люди тихие и смиренные, и об них не слышно, чтоб воровство или другова чево что непотребно учиняли» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 113–114).

Больше никаких сведений о занятиях населения Аварского ханства у И.-Г. Гербера нет. Но, что интересно, многие авторы, писавшие позже него, говорили о бедности Аварского ханства, неразвитости земледелия и отсутствии для этого нормальных условий. Остановимся на сведениях некоторых авторов начала XIX в. о занятиях аварцев – о земледелии и скотоводстве, развитии промыслов и торговли. Причем, думается, разумно будет привести различные, порою очень противоречивые сведения и мнения различных авторов. Но прежде отметим, что на Хунзахском плато были прекрасные условия для земледелия.

В связи с сказанным интерес представляют сведения прапорщика Хрисанфа, посланного в 1828 г. командованием Кавказской линии в Аварию. Прежде всего он отмечал, что здесь «почва земли весьма хорошая, и поэтому все сие пространство усеяно овечьими стадами, и весьма много конских табунов и рогатого скота» (*Хрисанф*, 1958. С. 267). Еще более интересны его сведения о земледелии вокруг Хунзаха. «Окрестности сего города, – писал он, – в сравнении с прочими местоположениями весьма ровны и заняты для одного только хлебопашества: нивы, будучи засеваемы, ежегодно вспахиваются до посева три раза и унавоживаются». И далее он сообщал о засеваемых зерновых: «Из посевов родится пшеница, магар, особый род пшеницы, похожая на озимую ... Просо особого рода, называемое по-аварски карсак... Ячмень также в изобилии сеют, лен и конопля» (*Хрисанф*, 1958. С. 268).

Через год Ф.П. Скалон – командир Моздокского донского казачьего полка, писал, что: «В Аварии грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, коего недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу..., садов фруктовых и виноградников почти нет или очень мало» И далее, вывод, к которому он приходит – «...я не видывал беднее земли и народа ханства Аварского» (*Скалон Ф.П.*, 1958. С. 277).

Практически об этом же свидетельствовал в 1830 г. начальник 21-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии ген. Р.Ф. Розен. «Беднейшее в бесплоднейших местах поселенное горское племя», – писал он о жителях Аварского ханства, где «хлебопашество весьма скудное и недостаточное для прокормления своего». В то же время он отмечал, что здесь овцеводство «изрядное», хотя «хуже окружающих их народов, быв принужденны содержать таковых в отдаленности от своих домов на землях шамхала тарковского или же других владельцев, не имея пастбищных у себя мест» (*Розен Р.Ф.*, 1958. С. 291).

В том же году штабс-капитан А.П. Щербачев отмечал, что в «ханстве родится хлеб: просо, ячмень, овес и лен», но «все это в весьма небольшом количестве, так что бедные жители едва имеют дневное себе пропитание. Несколько из деревень, поселенных по р. Койсу, имеют небольшие фруктовые сады». И далее, останавливаясь на почвенных характеристиках территории, он отмечал: «Каменистый грунт земли требует непременно хорошего удобрения при посеве

хлеба. Местоположение вообще очень гористое... Вообще... горы бесплодны и покрыты скалами... Пастбищные и сенокосные места весьма скудны» (*Щербачев А.П.*, 1958. С. 298).

Конечно, при таких природно-географических и почвенных условиях не могло быть и речи о широком развитии земледелия. Но в то же время, следует подчеркнуть, что земледелием в Аварском ханстве занимались во всех селах, все мало-мальски пригодные к земледелию места использовались под посевы зерновых, устраивались террасные поля, хотя, конечно, все это не обеспечивало потребности населения в хлебе.

И.-Г. Гербер, не останавливаясь на таких подробностях, отмечал только, что местное население занималось земледелием и скотоводством, порою даже не замечая, какая из этих двух отраслей занятий превалировала.

Все приведенное выше – это сведения о занятиях населения феодальных владений. Отдельные фрагменты своего сочинения И.-Г. Гербер посвятил союзам сельских общин и в целом союзам сельских общин аварцев.

При описании феодальных владений Южного Дагестана, в частности Дербентского владения и Табасарана, были затронуты и нижние территории союзов сельских общин кюринцев и табасаранцев. При этом было отмечено, что эти территории по занятости населения отличались от верхних – горных частей Табасарана и Кюре. В этой части территории, представляющей продолжение приморской равнины Дербентского владения, прекрасно было развито земледелие, виноградарство и садоводство. Что же касается горной части, то земледелие было развито менее из-за природно-географических условий и сурового – более холодного климата.

То же самое наблюдалось и в горных союзах сельских общин Самурской долины. И.-Г. Гербер сообщал о пяти союзах сельских общин: Ахтыпара, Алтыпара, Докузпара, Мискинджа и Рутул, практически описал Алтыпара, в описаниях других четырех союзов по сути повторяется то же самое. Характеризуя занятия населения всех пяти союзов И.-Г. Гербер описал занятия населения только одного союза Алтыпара. Но прежде всего он дал характеристику естественно-географических и климатических условий. Он, в частности, писал: «Из сих пяти уездов каждой состоит в нескольких деревнях, которые все между горами, несколько вместе, а несколько между долинами разсыпно лежат... Все сии пять уездов изо всех сторон высокими каменными и непроходимыми горами обняты, которые зимою и летом снегами покрыты» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77).

В разделе «Промысл» И.-Г. Гербер конкретно останавливается на занятиях населения самурских союзов сельских общин. «Питаются скотиною и имеют между горами в долинах малое число пашен и для того (поэтому. – Авт.) меняют скотиною (на скот. – Авт.) в Кубе» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77). Далее И.-Г. Гербер, как и многие другие народы Дагестана, жителей этих пяти «уездов» называл ворами и грабителями и что они «в Кубе нападения и воровства никакого не чинят, чтоб то волю не потерять пшена и пшеницу тамо доставать и менять; токмо свой воровской промысл употребляют далее в горах и к Грузии» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77). В разделе «Состояние» И.-Г. Гербер, опять возвращаясь к этому вопросу, писал о дикости жителей Самурской долины, полагая, что самый «лудчей их промысл состоит в покраже и грабеже, а особливо часто нападения чинят в Грузии, где они лошадей, а больше людей крадут, на своих легких лошадях увозят и продают» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 78).

О других видах занятий жителей союзов Самурской долины И.-Г. Гербер не писал. Ни слова в его сочинении нет о садоводстве и огородничестве. Между тем в Ахтыпара находится прекрасная долина, пригодная как для занятия пашенным земледелием, так и садоводством и огородничеством. А в соседнем Рутульском союзе также существовали большие возможности для земледелия в долине Самура. Однако у И.-Г. Гербера об этом нет сведений.

Конечно, горная часть преобладала над горнодолинными участками, что было большим препятствием для ведения земледельческого хозяйства и ее население основное внимание уделяло скотоводству. Поэтому, как писала известная этнограф С.С. Агаширинова: «В горных районах, в особенности в высокогорных, скотоводство являлось главной отраслью хозяйства» (*Агаширинова С.С.*, 1978. С. 35).

Таковыми горными районами и были союзы сельских общин Самурской долины, где находились высочайшие горы Дагестана. Другой дагестанский этнограф М.Ш. Ризаханова писала, что при чрезвычайной нехватке пахотных земель «расширение площади культурных земель в этой части не представлялось возможным, хотя должны отметить, что лезгины, как и все горцы Дагестана, с редким упорством делали все, что можно достичь с суровой природой. Малейшие участки земли, пригодной для земледелия, очищались от камней с крутых боков ущелий, холмов и гор, возводили каменные стены, на участок наносили землю, удобряли и превращали в пахотное

поле, огород или фруктовый сад, создавая таким образом террасы» (*Ризаханова М.Ш.*, 2005. С. 54). И далее она писала о результатах ведения такого земледельческого хозяйства в горной части территории лезгин. «Поставленное в такие неблагоприятные условия земледелие весьма скудно вознаграждало труд земледельца и не обеспечивало необходимым для пропитания хлебом...» (*Ризаханова М.Ш.*, 2005. С. 55).

И все же и в Южном Дагестане повсеместно, в том числе в союзах сельских общин Самурской долины, занимались земледелием, хотя степень развитости, распространенности и значимости его в экономической жизни местного населения была разная, не одинаковая в разных частях и в разных обществах. И нельзя не согласиться в связи со сказанным с авторами «Очерков истории Южного Дагестана» Х.Х. Рамазановым и А.Р. Шихсаидовым, которые заключают: «Земледелие при всем многообразии занятий населения, выступало как основное занятие почти повсеместно – в горах, предгорье, на плоскости, вплоть до побережья Каспия... Для подавляющего большинства аулов земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства и лишь для немногих селений земледелие имело характер второстепенного занятия» (*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. С. 137).

В горном Дагестане находились все союзы сельских общин даргинцев. Но И.-Г. Гербер не останавливается на всех даргинских союзах. Им описаны только верхнедаргинские союзы под общим названием «Акуша, уезд». О географическом положении Акуша-Дарго он писал: «Между горами Иджар под таулинцами, отделено высокими непроходимыми горами, которые зимою и летом снегом покрыты» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 101). Оговоримся и здесь – что же это за непроходимые горы, покрытые зимой и летом снегом?

Но главное для нас – сведения И.-Г. Гербера о занятиях населения. В пункте «Промысл» он писал так: «Акушинцы пашни много не имеют, ибо оные между горами живут; питаются больше скотиною и содержат великое число баранов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 101). Как видим, здесь И.-Г. Гербер не пишет, о пригодных для земледелия территориях и что жители Акуша-Дарго питаются «пашнями и скотиною». Он утверждает о малом количестве пашен и что верхнедаргинцы «питаются больше скотиною». А это значит, что основным занятием их было скотоводство.

Действительно, союзы федерации Акуша-Дарго находились в средне-горном Дагестане, где пашен было меньше, чем на плоскости и в предгорье. Вместе с тем, о чем свидетельствуют сведения более позднего времени, на территории Акуша-Дарго находилось достаточно много пашен, все пригодные к земледелию участки земли были приспособлены под посевы зерновых. Кроме того, как и в других частях горного Дагестана, здесь к земледелию были приспособлены горные склоны и построены террасы. Верхнедаргинцы больше были обеспечены своим хлебом, чем, например, союзы сельских общин Самурской долины или общества аварцев. Поэтому не совсем верно утверждение И.-Г. Гербера, что верхнедаргинцы «питаются больше скотиною», хотя и верно, что они содержали много скота, особенно мелкорогатого.

Выше, при описании занятий населения Кайтага, было отмечено, что для своего многочисленного скота верхнедаргинцы арендовали зимние пастбища в Кайтагском уцмийстве. По другим сведениям, верхнедаргинцы арендовали зимние пастбища также в Тарковском шамхальстве, о чем писал участник Персидского похода 1796 г. майор Д.И. Тихонов (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 131) и «в Засулакской Кумыкии, о чем сообщал Д.-М. Шихалиев (*Шихалиев Д.-М.*, 1992. С. 43).

В издании сочинения И.-Г. Гербера 1760 г. есть сведения о занятии верхнедаргинцев домашними промыслами, и в частности, обработкой шерсти. Он отмечал, что шерсть их овец «несколько лутче, нежели на других в тамошних странах» и поэтому «делают много сукна (подчеркнуто нами. – Авт.), которое во все тамошние земли развозится и употребляется подлым (простым. – Авт.) народом на платье». Кроме того, И.-Г. Гербер писал, что верхнедаргинцы «войлочные епанчи делают», хотя они были «не очень хорошие» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 110–111). Речь здесь идет о производстве бурок, которые, конечно, не могли конкурировать с андийскими.

Сообщение И.-Г. Гербера о развозке сукна «во все тамошние земли» говорит о развитости у верхнедаргинцев торговли с другими народами Дагестана. Особо же эта торговля сукном как внутри Дагестана, так и в Закавказье, Кизляре и в русских городах получила развитие в конце XVIII–XIX в., о чем сохранилось в различных источниках множество сведений (*Алиев Б.Г.*, 2007).

Союзы сельских общин аварцев и народов аваро-андо-цезской группы также располагались в горной и высокогорной частях Дагестана. Все они, кроме Цунта, у И.-Г. Гербера даны под одним названием «Таулистан» (Горная страна), в народ как «таулинцы» (горцы).

О их расположении И.-Г. Гербер писал: «В высоких каменных горах, которые чрез весь год снегами покрыты, между Грузии, аvaraми (жителями Аварского ханства. – Авт.), лезгинами и дагистанцами» (другими народами Дагестана. – Авт.) (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 111). Что речь здесь идет о союзах сельских общин говорят следующие слова И.-Г. Гербера: «Сии таулинцы разделены между собою на многие уезды, которым каждому несколько деревень подлежит, так долины их сами разделяются» и далее: «Имеют по разным их уездам и разные их языки, и найдется между ними по крайней мере 10 разных языков, которые между собою никакого сходства не имеют» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 111).

Что касается занятий «таулинцев», то И.-Г. Гербер писал: «Некоторые имеют пашен, а другие скотоводством питаются, а иные многих баранов содержат, каждые по ситуации своих уездов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 112). Как видим, И.-Г. Гербер говорит о зависимости занятий населения каждого союза от местных природно-географических условий, которые и определяли возможность ведения и развитость той или иной отрасли занятий, о чем он писал далее в разделе «Состояние»: «Таулинцы... некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют, а иные не ведают, что хлеб есть, и питаются одною скотиною» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 112).

Действительно, природно-географические и климатические условия разных союзов сельских общин «таулинцев» были неодинаковыми. Одни из них занимали территорию среднего и северного Дагестана благоприятную как для ведения земледельческого хозяйства, так и занятий садоводством и виноградарством. Поэтому И.-Г. Гербер и писал, что жители каждого «уезда» (так называл он союзы сельских общин, как и феодальные владения. – Авт.) занимались тем или иным видом занятий в зависимости от «ситуации», т.е. занимаемой территории и природно-географических и климатических условий. А последние были не одинаковы в различных союзах сельских общин. В одних из них было немало хороших, удобных для пашенного земледелия мест, а в долинах рек для садоводства и виноградарства. Такими союзами были Койсубулу, Глейсерух, Гидатль, где были развиты и земледелие, и садоводство. Так, согласно сведениям Хрисанфа, «деревня Бетлитль изобиловала хлебом» (*Хрисанф*, 1958. С. 268). «А Гидатль, – как писал Х.-М.О. Хашаев, – издавна славился в Аварии изобилием хлеба и мяса, поэтому его называли благодатным краем» (*Хашаев Х.-М.*, 1959. С.). В Гидатле собирали достаточное количество урожая, которого хватало на год (*Воронов Н.И.*, 1868. С. 28). О селах Глейсеруха Ботлихе и Миарсо дагестанские ученые Б.М. Алимova и Д.М. Магомедов пишут, что они «относятся к тем районам, где наиболее интенсивно обрабатывали каждый клочок земли путем террасирования, и на протяжении многих веков здесь выработались агротехнические приемы в зернопроизводстве и выращивании садоводческих культур». Они утверждают далее: «Сад, огород и пашня составляли в этом районе единое целое» (*Алимова Б.М., Магомедов Д.М.*, 1999. С. 26). Не лишнее здесь вспомнить слова акад. Н.И. Вавилова: «В Дагестане около Ботлиха можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане» (*Вавилов Н.И.*, 1936. С. 80).

Сказанное Н.И. Вавиловым о Ботлихе можно отнести к десяткам и сотням, практически ко всем селам аварских союзов сельских общин, впрочем, как и селам союзов сельских общин других народов Дагестана. Террасы в условиях гор являлись основными пахотными участками, где велось горное земледелие. Земледелием занимались повсюду и не было сел, где бы им не занимались. Не без основания Н. Абельдяев писал, что в Дагестане «хлебопашеством занимались без исключения» (*Абельдяев Н.*, 1857). Поэтому, конечно же, никак невозможно согласиться с утверждением И.-Г. Гербера, что жители «иных» союзов сельских общин Аварии «не ведают, что хлеб есть, и питаются одною скотиною» и что это «люди, дикие, грубые и варварски оные же многие нападки чинят на Грузию и Черкасу горскую, где оные скотину и людей крадут, увозят, кубанским и крымским татарам продают» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 112).

Конечно, имелись общества, где земледелие было не только ограничено, но и затруднено из-за суровых природно-климатических условий и скудности пахотных земель. Но утверждать, что они не знали, что есть хлеб и питались только продуктами скотоводства, неверно.

А жители речных долин, в частности союзов сельских общин Салатавии, Койсубулу, Технуцала, Гидатля и др. занимались садоводством и виноградарством. И сведения И.-Г. Гербера о том, что «некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады» имеют прямое отношение к этим союзам. Как писал А. Берже: «Скудность природы в горах заставляла жителей с невероятным трудом устраивать сады на крутизнах и скалах, искусственно отдаленных в виде террас» (*Берже А.*, 1858. С. 251). Особо среди перечисленных аварских союзов сельских общин по

развитию садоводства и виноградарства отмечался Койсубулинский союз, где широко занимались разведением разнообразных фруктов, которые приносили им основной доход и средства существования. Многие села Койсубулу славились фруктовыми садами (*Хрисанф*, 1958. С. 268–269). Неспроста А. Руновский писал, что Кайсубулу или, как называли его еще Хиндалал, т.е. страна фруктов, «следует назвать садом северо-восточного, а может быть и целого Кавказа» (*Руновский А.*, 1862. С. 385). Койсубулинцы торговали с другими народами и обществами Дагестана своими фруктами. Они, отмечал А.П. Щербачев, «торгуют более одними только фруктами, в особенности виноградом в большом изобилии. Фрукты можно найти разного рода даже и самые персики произрастают там» (*Щербачев А.П.*, 1958. С. 296).

В целом можно отметить, что известными центрами садоводства и виноградарства в Аварии были Хиндах, Харахи, Гимры, Ботлих, Гоцатль, Унцукуль, Зубутли, Миатли, Чальда, Ишкарты, Ирганай, Голотль, Тлох, Чирката, Могох, Корода, Игали, Ашильта, Гергебиль, Аракани, Хоточ, Кегер, Кикунь, Муни, Агвали и др. (Материальная культура аварцев, 1967. С. 52; *Исламмагомедов А.*, 2002. С. 93).

Конечно, менее развита в хозяйственном отношении была высокогорная часть «туалинцев» – Антль-Ратль и Цунта. О Цунта, которую называл «Таулистан», а также «Зонти, народ», И.-Г. Гербер располагал: «Между высокими горами, между Грузии, и означает имена таулинцов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 113) О населении «уезда» он писал: «Питаются скотиною», т.е. занимались только скотоводством. Действительно, эта территория Западного Дагестана была наименее пригодна для занятия земледелием, что, безусловно, было связано с суровыми природно-климатическими условиями. Гористая, каменистая территория, холодный климат не позволяли заниматься земледелием. Лишь отдельные клочки земли и террасы с наносной или выравненной территорией могли позволить заниматься земледелием. Но и этих земель было мало. Поэтому, как констатировали многие авторы XIX в., здесь существовало только «скудное» хлебопашество, а основным занятием населения было скотоводство (*Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 2000. С. 35). Вместе с тем, сказанное относится к высокогорному микрорайону, «где земля долго не прогревается и сельскохозяйственные работы начинаются в мае». Другой микрорайон – горнодолинная зона, расположенная по склонам гор, огражденных отрогами гор, где «сельскохозяйственные работы, как правило, начинались в апреле» (*Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 2000. С. 31). В обществах, расположенных на высоте 1600–1700 м, урожай собирали в первой половине августа, а в обществах высокогорной зоны урожай созревал только 19–20 августа (*Рупряхт Ф.И.*, 1860. С. 73). Причем урожай зерновых были хорошие. Согласно сведениям Н. Дубровина, урожай на плодородной почве составлял сам 15–20 (*Дубровин Н.*, 1871. С. 503). Еще акад. И.А. Гильденштедт в 70-е годы XVIII в. писал, что земля цунтинцев (дидойцев) плодородна и дает «нарочито богатые» урожаи пшеницы (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 128–129).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что И.-Г. Гербер, конечно же, не вникал в истинное положение горных и высокогорных обществ, он не писал о местных особенностях, а говорил вообще, что жители их занимались земледелием и скотоводством (имели «пашни и скотоводство»), не разбирая детально ни первое, ни второе занятие.

Кроме того, И.-Г. Гербер вообще не писал о домашних промыслах, о широком развитии у горцев обработки шерсти, дерева, камня, металлов, гончарном производстве и т.д. Например, как можно было упустить производство бурок в Андийском союзе, сукна различных цветов во многих обществах горной Аварии, которые были известны повсюду.

Останавливался И.-Г. Гербер и на Джарском союзе сельских общин, который он считал «Лезгистаном», а народ «лезги, лезгинцы, а также кумыки» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 110). Главное в сочинении И.-Г. Гербера относительно джарцев – это сведения о их занятиях, о которых он писал: «Имеют землю хорошую, пашни, сады и шелковые заводы, ибо сей уезд, хотя и между горами, землю ровную имеет, притом питаются воровством и грабежом» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 113). И, продолжая последнее, И.-Г. Гербер свидетельствовал, что джарцы «часто в Грузию нападение чинят и оттуда скотину и людей увозят, ибо оные воры чрезмерно отважные» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 113).

Действительно, Джар, под чем И.-Г. Гербер имеет ввиду всю конфедерацию Джаро-Белокан, занимал прекрасную, плодородную и богатую территорию для развития различных отраслей сельского хозяйства, и прав был он, говоря о развитии здесь земледелия, садоводства и шелководства. Но почему-то он упустил и скотоводство, которым также занимались в Джаро-Белокане.

Это была территория 10 «вольных» обществ, которые «формально не составляли единого политического целого, фактически же на всей этой территории главенствовало Джарское общество, остальные вольные общества, как и султанство Илусуйское, были по существу

вассалами Джара» (*Петрушевский И.П.*, 1993. С. 33). Занимали эти общества территорию по нижнему течению р. Алазани, ограниченную с запада и северо-запада Кахетией, с юга – Ширакской степью, с востока – Шекинским ханством. В составе этой территории входили и земли, лежащие на северных склонах Главного Кавказского хребта. Эта была действительно благодатная территория для занятий всеми отраслями сельского хозяйства.

Само Джарское общество образовалось в середине XVI в., «или по крайней мере его ядро» (*Петрушевский И.П.*, 1993. С. 35) и в первой трети XVIII в. это была крупная и очень сильная политическая структура, с которой считались соседние государства. И силу ей придавала не только организованность, политическая спаянность, многолюдность, но и экономическое развитие, чему способствовала развитость всех отраслей сельского хозяйства. Повсюду занимались земледелием, садоводством и виноградарством, «пахотные земли, сады и виноградники находились почти повсюду в фактическом владении отдельных семейств, хотя номинально земля еще в XIX в. продолжала считаться собственностью сельской общины» (*Петрушевский И.П.*, 1993. С. 43–44). Но кроме этих пахотных земель, имелись еще пахотные участки, расположенные на расчищенной от леса земле, которые назывались ахулары (аху – пашня). Это были участки пахоты, образованные на предгорных землях, на местных склонах гор или в ущельях в северо-восточной части Джарской области (*Петрушевский И.П.*, 1993. С. 44).

Но не везде были одинаковые природно-географические и климатические условия, которые благоприятствовали бы занятию земледелием. «Значительное различие в расположении над уровнем моря, в почвенных и климатических условиях для развития земледелия в горных местностях (Мухакское и Джинихское общества), предгорья, в которых была расположена большая часть аварских селений, и на плоскости, где лежали селения ингилойцев» (*Петрушевский И.П.*, 1993. С. 45). и обуславливало разное соотношение в разных частях Джаро-Белоканской конфедерации земледелия и скотоводства. «В нагорных селениях занятие земледелием носило подсобный характер, главное же место занимало скотоводство». Кроме того, следует отметить, что скотоводство, о котором И.-Г. Гербер вообще ничего не писал, и «было распространено во всех аварских селениях, также и в тех местах, где видное место занимало хлебопашество, виноградарство и шелководство». В Джаро-Белокане было многочисленных стада овец и крупного рогатого скота. Для содержания их имелись хорошие летние пастбища (яйлаги), расположенные на непокрытом лесом горных вершинах и склонах хребтов на абсолютной высоте 1500–2000 метров и выше; большей частью на северном склоне Большого Кавказского хребта, т.е. вне пределов их территории (*Петрушевский И.П.*, 1993. С. 45).

Помимо пашенного земледелия, садоводства, виноградарства и скотоводства в Джаро-Белокане занимались и кустарными промыслами – шелководством, шелкоткачеством, изготовлением войлоков и т.д., чем занимались в особенности в аварских селениях, лежащих у выхода горных ущелий (Джар, Белокан, Катехи, Тала и др.).

Таковы вкратце занятия населения Джаро-Белокан, названном И.-Г. Гербером «джеррами» или «джирталами». И он был прав, отметив развитость здесь земледелия, садоводства и шелководства, хотя ничего не сказал о виноградарстве и скотоводстве, также хорошо развитых и игравших большую роль в экономической жизни населения и являвшихся, как и земледелие, основными занятиями края. На это, кстати, обратил внимание и генерал М.А. Коцебу, писавший: «Главные произведения получают от хлебопашества, шелководства и скотоводства» (*Коцебу М.А.*, 1958. С. 259).

Таким образом, подводя итоги всему приведенному материалу, следует отметить, что И.-Г. Гербер дал краткие сведения основным занятиям – главным образом земледелию и скотоводству населения почти всех политических структур Дагестана. Это феодальные владения, кроме Мехтулинского ханства, и союзы сельских общин, хотя отдельно даны только несколько из них: союзы Самурской долины, кюринские, Акуша-Дарго, Цунта (Дидо) и вместе союзы сельских общин аваро-андо-цезской группы. Конечно, сведения И.-Г. Гербера о занятиях населения Дагестана ценны. Но недостатком их является отсутствие хотя бы краткого описания их. Кроме того, И.-Г. Гербер почему-то вообще не писал о кустарных промыслах, развитых почти повсеместно в Дагестане: ковроткачество, производство сукна, гончарное производство, металлообработка и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Абельдяев Н.* Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. СПб., 1857. Ч. 64. № 8. С. 25–30.
- Алиев Б.* Взаимоотношения союзов сельских общин Дагестана с Азербайджаном в XVIII – первой половине XIX в. // Историко-культурные и экономические связи народов Дагестана и Азербайджана: через прошлый опыт взгляд XX век. Материалы торжественного собрания и Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Азиза Алиева. 8 июня 2007 г. Махачкала, 2007. С. 138–145.
- Алимова Б.М., Магомедов Д.М.* Ботлихцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. – 192 с.
- Белл Дж.* Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские страны, а именно: Испагань, в Пексен, в Дербент, в Константинополь. СПб., 1776. Т. III.
- Березин Н.И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850. Ч. 1–3. – 120–134–128гг с.
- Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. – 362 с; Ч. 2. – 471 с.
- Буцковскиц А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 239–846.
- Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. М., 1936. № 2. С. 74–83.
- Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1–36.
- Гене Ф.И.* Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 337–352.
- Гербер И.-Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и перевод к пользе и увесилению служащие. СПб., 1760. Июль-сент. Т. 17. № 7. С. 3–48; Т. 8. С. 99–140.
- Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 60–120.
- Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.А. Гальденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг. СПб., 1809. –385 с.
- Гмелин С.Г.* Путешествия по России для исследования всех трех царств естества. СПб., 1785. Ч. 3. – 336 с.
- Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. – 304 с.
- Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. – 193 с.
- Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.–640с.
- Коцебу М.А.* Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 252–264.
- Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестана. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 6–59.
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000. – 208 с.
- Петрушевскийц И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. – 166 с.
- Ризаханова М.Ш.* Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005 – 312 с. + 100 р.
- Розен Р.Ф.* Описание Чечни и Дагестан. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 281–292.
- Ртищев Н.Ф.* Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 247–251.
- Руновский А.* Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. Т. 25. № 8. С. 177–191.
- Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 138–156.
- Скалон П.Ф.* Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 276–278.
- Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. – 520 с.
- Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 125–137.
- Хашаев Х.-М.* Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. – 116 с.
- Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М. 1958. С. 165–175.
- Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. – 144 с.

Шихсаидова Р.С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских взаимоотношений в XVIII – нач. XIX вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 96–104.

Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 293–299.